

Грибер Юлия Александровна

КУЛЬТУРА ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ЦВЕТОВЫХ ПРОСТРАНСТВ АНТИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу социокультурных оснований формирования полихромии городских пространств античности. Рассматривается влияние социальной дифференциации и статусного портрета древних городов на принципы организации их цветовой среды. Анализируется роль религии в определении содержания цветковых образов. Выделяются характерные элементы цветковых пространств, описывается их роль в сложении единой городской ткани и поддержании социальных связей и зависимостей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

войск было стремление властей сделать казачество послушным инструментом проведения государственной политики и опорой российской государственности. Этому же способствовала проводимая военными губернаторами Оренбургского края и атаманами Оренбургского казачьего войска в первой трети XIX века политика, направленная на выработку оптимальной системы организации войска, увеличение его численности, реорганизацию Оренбургской пограничной линии.

Список литературы

1. **Абрамовский А. П., Кобзов В. С.** Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. 450 с.
2. **Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).** Ф. 6. Оп. 11.
3. **ГАОО.** Ф. 169. Оп. 1.
4. **Зобов Ю. С.** В Отечественной войне 1812 г. // История Оренбуржья. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. С. 66-69.
5. **История казачества Урала: Оренбургское казачье войско** / ред. В. Ф. Мамонов. Оренбург – Челябинск, 1992. 234 с.
6. **Кобзов В. С.** Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. Челябинск, 1996. 155 с.
7. **Любовь и Восток:** сборник: эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. М.: Московский писатель, 1994. 448 с.
8. **Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска.** Оренбург, 2010. Вып. 8. 216 с.
9. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1150. Оп. 1.
10. **РГИА.** Ф. 1281. Оп. 4.
11. **Стариков Ф. М.** Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1890. 249 с.

**ORENBURG COSSACKS AND DEFENSE OF THE RUSSIAN EMPIRE SOUTH-EASTERN BORDERS
IN THE FIRST THIRD OF THE XIXTH CENTURY**

Elena Viktorovna Godovova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Classical and Social-Economic Disciplines

*Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President (Branch) in Orenburg
godovova@mail.ru*

In the middle of the XVIIIth century Orenburg Cossack army was formed in the South-East of the Russian Empire. During the period of its existence the army was repeatedly reformed, and as the result acquired strong military organization. The author considers the ambiguous contribution of the army to the problem solution of strengthening the Russian state in the South-Eastern outskirts of the empire in the first third of the XIXth century.

Key words and phrases: Cossacks; Orenburg Cossacks; Cossacks in government service; Orenburg Cossack army; Orenburg boundary line.

УДК 130.2

Культурология

Статья посвящена анализу социокультурных оснований формирования полихромии городских пространств античности. Рассматривается влияние социальной дифференциации и статусного портрета древних городов на принципы организации их цветовой среды. Анализируется роль религии в определении содержания цветовых образов. Выделяются характерные элементы цветовых пространств, описывается их роль в сложении единой городской ткани и поддержании социальных связей и зависимостей.

Ключевые слова и фразы: культура; город; цветное пространство; античность; колористика.

Юлия Александровна Грибер, к. филос. н., доцент

Кафедра философии

Смоленский государственный университет

Julia_Griber@mail.ru

КУЛЬТУРА ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ЦВЕТОВЫХ ПРОСТРАНСТВ АНТИЧНОСТИ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда У. Фулбрайта.

Культура формирования городских цветовых пространств античности начала складываться в I тысячелетии до н.э. под влиянием двух центров – сначала греческого, затем – римского. Вследствие отделения ремесла от земледелия и роста товарно-денежных отношений на присредиземноморских землях Эллады и

Малой Азии появились греческие города-государства – полисы, жизнь в которых усилила социальные связи и зависимости.

Архаические полисы представляли собой столицы карликовых государств, территория которых, кроме самого полиса, включала также примыкавшие к ним политически зависимые деревни (комы), и могли иметь различное управление – олигархическое (например, в Спарте) или демократическое (например, в Афинах V в. до н.э.) [3].

Статусный портрет древних городов был достаточно прост и насчитывал не более нескольких десятков статусов. Однако здесь существовала выраженная имущественная и социальная дифференциация. В социальной структуре греческого города были хорошо различимы три класса, разные не только по способам получения и размерам богатства, но и по характеру своего менталитета и образу жизни. Город разрушил словесную иерархию, и на вершине социальной структуры разместилась не только старинная родовая знать, но и вышедшие из простонародья собственники больших ремесленных мастерских, торговых кораблей и крупных денежных сумм, пускаемых в рост. Вместе они образовали социально неоднородный господствующий класс рабовладельцев. Основная часть полисного населения состояла из свободных мелких производителей, прежде всего земледельцев, которые в Афинах назывались зевгитами и фетами, а также зависимых работников и рабов [4, с. 158-168].

В Риме, где на протяжении первых веков его существования (VIII-VI вв. до н.э.) установилась царская власть, а затем аристократическая республика (V-I вв. до н.э.), двумя основными сословиями были патриции и плебеи. Патриции входили в состав Сената, высшего органа власти, и занимали все высшие должности в государстве, в том числе и должности консулов – правителей государства. В городах Римской империи социальная структура существенно усложнилась, включив всадников, нобилитет, вольноотпущенников, провинциалов.

Несмотря на выраженную динамику социокультурной гетерогенности, полис на протяжении всей своей истории сохранял в глубине первоначальный аграрный характер и воплощал особый общественный идеал, связанный с ценностями общинной идеологии. Для его жителей он был единственным местом на земле, где они ощущали свое единение с другими людьми на основе права, были укрыты от врагов и неожиданностей судьбы стенами и защищены богами, создателями, родоначальниками и покровителями города [6].

В формировании такого убеждения большую роль играла цветовая структура древних городов, замкнутая, простая и понятная для их жителей. Эта цветовая структура тщательно вписывала социальный порядок в развиваемую античной философией тему гармонии человека и мира, в изначальный космический порядок, который имел божественную природу и синкретично соединял небесное и земное.

Древнейшие города были, прежде всего, религиозными, военными и дворцовыми центрами. Содержание цветовых образов формировалось под влиянием религии, которая носила государственный характер, служила политическим задачам и играла большую роль в поддержании социальной иерархии и порядка в древних обществах (в своих работах это хорошо показали П. Бергер, И. Вах, Э. Дюркгейм, Ж. Казнев, М. Мосс, С. Мур, С. Тамбайя, У. Уорнер, А. Юбер).

Поскольку религиозное сознание жителей древних городов носило народный, фольклорный характер, религиозные, мифологические и героические темы объединились здесь в одно единое художественное целое. Статус государственной религии получил культ богов-покровителей полисов, который с возникновением полисов вышел на первый план, сменив культ героев, духов-покровителей отдельных родов.

Следуя классической схеме закрытого общества, социальная структура рассматривалась жителями древних городов как физически, объективно predetermined, а существовавшее социальное неравенство – как естественное. Именно поэтому в сложном упорядоченном единстве цветового пространства древних городов в качестве одного из главных действующих лиц выступала природа – растения, деревья, водоемы (озера, реки, моря), земля, небо. Для города и значимых архитектурных построек выбирался подходящий ландшафт, специальное место, пейзаж которого мог сыграть определенную роль в формировании образа и рассматривался как выражение представления о родине. Сакральное отношение к природе отражало характерное для замкнутой маленькой древней общины обожествление именно местного пейзажа, который приобретал образ высказываний, исходящих от определенного субъекта, и понимался как некий язык, но не относящийся к человеку, то есть как язык предметных знаков, язык «нуминозного» [9, с. 16]. Город строился как уютное жилище. Порядок освоенного пространства противопоставлялся хаосу бесконечности, перед которой люди испытывали страх. Возможно, на такое понимание структуры цветового пространства как замкнутого, ограниченного участка оказал влияние характер греческого ландшафта: «расчлененное бухтами и реками побережье, ограниченные горами долины, разбросанные в Эгейском море на сравнительно близких расстояниях тела островов – всюду взгляд наталкивается на преграды, замыкающие небольшие, живописные участки пространства» [5, с. 140].

Цветовые пространства античного общества носили характер гетерономии (от греч. *heteros* – другой и *nomos* – закон). Их структура и распределение подчинялись всеобщему, продиктованному извне закону. Как и статусы, образ жизни в таком обществе был аскриптивным и предполагал строгое следование образцу. Репродукция цветового пространства осуществлялась здесь в форме простого воспроизводства. Его семантические свойства были устойчивыми, поскольку это общество локализовалось в естественной среде, обладающей мифологическим характером.

В цветовом теле древнего города был отчетливо выделен его главный элемент – общественное пространство, которое стало ярким отличительным признаком новой рабовладельческой полисной цивилизации от предшествующей ей дворцовой цивилизации крито-микенской эпохи в Греции и от цивилизации этрусков, существовавшей на территории сложившегося позже древнеримского государства.

Создание нового социального пространства с центром на городской площади было очень важным шагом. Рабы, которые появились не только в домах знати, но и в хозяйствах зажиточных крестьян, обеспечили гражданам полиса избыток свободного времени, которое они могли посвятить занятиям политикой, спортом, искусством, философией. Свободнорожденные граждане большую часть своего времени проводили в толпе публичного пространства, доступного каждому. Это открытое, внешнее пространство включало главный жизненный центр города, которым стала агора – место народных собраний граждан и одновременно рыночная площадь.

Общественное пространство, обладавшее особой ценностью и служившее источником острой коллективной положительной эмоции, чувства общинной солидарности и равенства, делало город не просто городом, а, прежде всего, гражданской общиной, соединявшей «законы и стены», «дома и право», «пенаты и святыни» (Вергилий); «Верность и Мир, Честь и Доблесть, Стыдливость старинную» (Гораций) [7, с. 33-34].

Для поддержания такого величественного образа нужны были мощные средства, механизмы и знаки, адресованные бесструктурной аудитории и понятные ей.

Значимость цветowych символов в социальном пространстве подчеркивалась их особым положением в пространстве физическом. Архитектура храмов, дворцов, театров и цирков давала возможность большому количеству людей наблюдать малое количество объектов [8, с. 316]. Понимая город как единое целое, греки стремились подчинить строгим правилам пространственную систему организации своих городов: сделать регулярным план города по горизонтали и создать монументальные ансамбли, расположенные в разных уровнях по вертикали. В горизонтальной плоскости наиболее значимый для них элемент должен был занимать центральную позицию. В вертикальной – располагаться выше. Так, главным монументальным ансамблем в греческом городском пейзаже был акрополь, который располагался в центре города на возвышении. Самый известный и яркий акрополь – Афинский – был построен на скалистом холме с пологой вершиной. Со своими красными и синими храмами он хорошо вписывался в широкую панораму охристых гор, голубого неба и синего моря [12, р. 64] и был рассчитан на восприятие во время перемещения по определенной траектории проходившего раз в четыре года Панафинейского шествия, синхронно с движением солнца по небосклону. У подножия священной части города строились жилые кварталы и агора (торговая площадь). Афинская агора была не только застроена по периметру общественными и культовыми зданиями, но, по некоторым источникам, даже озеленена по контуру платанами.

По цвету общественное городское пространство резко контрастировало с другими частями. В структуре города цвет был сконцентрирован лишь в одном месте – в городском центре, в его публичном пространстве. Цвет здесь был зрелищным сам по себе, независимо от его свойств, в остальном пространстве он практически полностью отсутствовал, поскольку существовавшее социальное неравенство и сопровождавшую его сегрегацию принято было скрывать, создавая образ солидарности и равенства.

По свидетельству античных писателей, жилые дома в Афинах были очень скромными, построенными, вероятно, из дерева и кирпича-сырца (практически не сохранились), что соответствовало демократическим принципам того времени.

В Риме, где в конце республики и в I в. н.э. обращались огромные суммы денег, демонстрация богатства эпатировала и вызывала массовое раздражение. Старые римские аристократы и полководцы вели скромный образ жизни. Подчиняясь этой идеологии и общественной морали, даже римские императоры упорно представляли свою власть как власть должностного лица, обычного гражданина республики, в руках которого лишь благодаря его личным заслугам, доверию Сената и народа оказались сосредоточенными несколько магистратур. Еще в конце II в. до н.э. в Риме не было частных домов, которые стоили бы больше шести тысяч сестерциев. Богатство было желанным, но в то же время считалось каким-то нечистым и постыдным. На первом плане стояло представление о нравственном и должном. Не случайно здесь неоднократно принимались суровые законы (законы Клавдия 218 г. до н.э., Оппия 215 г. до н.э., Гая Орхидия 181 г. до н.э., Фанния 161 г. до н.э., Лициния Красса 131 г. до н.э., Цезаря в 59 г. до н.э. и др.), ограничивавшие излишнюю роскошь (а цвет считался роскошью) в обстановке, одежде, быте. Один из самых известных ранних законов против роскоши был принят народным собранием в разгар трудной для Рима второй Пунической войны (218-201 гг. до н.э.) и запрещал женщинам носить драгоценности больше, чем на пол-унции золота, появляться в цветных одеждах и пользоваться повозками [6]. Вводимые лишь на время, такие законы полностью исполнялись. Их условия соблюдались даже после их отмены, а сама отмена вызывала неодобрение значительной части граждан и сенаторов, поскольку моральная санкция, в них заложенная, для людей существовала раньше и продолжала жить еще очень долго.

В результате действия этой моральной санкции городские центры, задуманные как единые, насыщенные общественными постройками ансамбли, резко контрастировали по цвету с жилыми кварталами. И этот яркий цветовой контраст был не случаен. Он должен был создавать иллюзию того, что город принадлежит его гражданам. Выделяясь на бесцветном фоне, роскошь общественного пространства играла в практической жизни древнего общества несравненно большую роль. Такая цветовая структура должна была выражать демократические начала, которые были свойственны идеологии полисов, т.е. быть подлинно народной. В подсознании народа она поддерживала уверенность в том, что город принадлежит общине как целому

и составляет условие ее выживания (выживание же общины составляет смысл жизни). И хотя такая уверенность, как правило, не опиралась на актуальный опыт, хозяйственный, политический или идеологический, именно она определяла распределение цвета в городском пространстве. Цвет выполнял здесь очень важную функцию: помогал установить социально-культурную однородность, немислимую в рамках полиса и практически отрицавшую его.

Строительство зрелищных сооружений необходимо было не только для завоевания популярности у народа, но и для управления им, для поддержания определенной нормативно-ценностной иерархии.

Создаваемое для народа публичное пространство было зрелищным, театральным, сформированным средствами синкретичного искусства древнего общества. Архитектура выполняла очень важную функцию в городской жизни в неразрывном единстве с изобразительным, сценическим, литературным, музыкальным искусством. Скульптура и живопись существовали не отдельно от архитектуры, а вместе с ней участвовали в формировании единого образа. Поскольку все празднества и обряды совершались снаружи, на площади перед храмом, важную роль играло именно внешнее пластическое решение фасадов. В темном внутреннем пространстве размещалась статуя божества, и это внутреннее пространство, хотя и следовало тому же художественному вкусу, подчинялось внешнему и было по отношению к нему второстепенным.

Важным моментом было при этом то, что цветовые акценты в пространстве античных городов образовывались фасадами храмов, которые, таким образом, служили не только культовыми, но и общественными зданиями.

Попадая в цветовое пространство, горожанин чувствовал свою причастность к нуминозному, к священному, которое имело свои собственные законы, свою собственную диалектику и «являлось человеку извне» [10, с. 338]. Цветом очерчивались четкие границы, внутри которых можно было соприкоснуться со священным [Там же, с. 337-338]. В пространстве древних городов священные места размещались в осязаемой близости и были наглядными, с помощью цвета их границы визуально расширялись и захватывали все общественное пространство, переносили на него такие важные качества священного пространства, как перманентность, автономность и иерофантический характер (А.-Р. Рэдклифф-Браун, А.-П. Элкин, Л. Леви-Брюль, М. Элиаде). Священные места не существовали сами по себе, всегда воспринимались лишь как «часть целокупности» [11, р. 183] и обязательно включали в себя «идею повторения древней иерофании, благодаря которой они выделились, отделились от окружающего профанного пространства и тем самым были освящены» [10, с. 337-338] и которая не просто преображала место из профанного в священное, но и поддерживала в нем эту святость. Поэтому священное место рассматривалось как неиссякаемый источник энергии и святости, а каждый человек, который попадал внутрь такого пространства, оказывался связанным со священным.

Считая «уничтожение, распад и смерть гражданской общины подобными упадку и гибели мироздания» (Цицерон) [1, с. 8], а отсутствие полисов – признаком варварства, греки и римляне, завоеывая новые земли, строили на них города.

Появившиеся в Причерноморье и Приазовье в VII в. до н.э. греческие города-колонии Истрия, Борисфен, в VI в. до н.э. – Ольвия, Феодосия, Пантикапей, в I в. до н.э. – Херсонес, Тира и многие другие и существовавшие почти на протяжении тысячелетия были рабовладельческими полисами и мало чем отличались от метрополий. Эти города имели развитую экономику, высокую культуру и отчетливое социально-классовое расслоение, роль катализатора в процессе которого играло общение варваров с греками [2, с. 413].

Многочисленные полисы Римской империи вмещали от нескольких сотен до нескольких сотен тысяч жителей и были разными по своим размерам: от очень крупных, таких как Лакедемон или Спарта, до совсем небольших, как, например, фокидский полис Панопе, располагавшийся на границе с Беотией. Несмотря на разнообразный и часто довольно крутой рельеф, все они имели одинаковую, строго регулярную структуру. На пересечении двух центральных улиц (одна проходила с севера на юг, другая – с востока на запад) располагалась площадь с базиликой, рынком, Капитолийским храмом и храмом императора, вблизи от нее – место для зрелищ (амфитеатр или цирк), вокруг города – территория с земельными участками граждан [5, с. 143]. Гетерономный характер и замкнутость композиции цветовых пространств античности делали возможной репродукцию их свойств на новом материале.

В целом отличавшееся социокультурной гетерогенностью общество древнего города характеризовалось отсутствием выраженной цветовой маркировки существовавшего социального зонирования городского пространства. Полихромия центров городских поселений, имевших религиозный и политический характер и резко контрастировавших с монохромностью цветовой ткани в целом, транслировала идею общинного порядка, почти уже исчезнувшую из реальных общественных отношений, оставшуюся в самом корне городской жизни и требовавшую компенсаторного удовлетворения.

Список литературы

1. **Античная культура: литература, театр, искусство, философия, наука** / под ред. В. Н. Ярхо. М.: Высшая школа, 1995. 383 с.
2. **Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху**. СПб.: Алетейя, 2005. 463 с.
3. **История Древнего мира**: в 3-х т. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1983. Т. 2. Расцвет Древних обществ. 574 с.
4. **История Древней Греции** / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1996. 399 с.
5. **Кармин А. С.** Культурология. М.: Лань, 2003. 928 с.

6. **Кнабе Г.** Древний Рим – история и повседневность: очерки. М.: Искусство, 1986. 207 с.
7. **Кнабе Г., Свенцицкая И.** Античность и ее наследие // Очерки по истории мировой культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
8. **Фуко М.** Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
9. **Хьюбнер К.** Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
10. **Элиаде М.** Избранные сочинения: очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
11. **Levy-Bruhl L.** L'expérience mystique et les symboles chez les primitifs. P.: Alcan, 1938. 316 p.
12. **Van Zanten D.** The Architectural Polychromy of the 1830's: reprint of the ed. originally presented as the author's thesis (Harvard University, 1970). N. Y. – L.: Garland Publishing, 1977. 442 p.

CULTURE OF URBAN COLOUR SPACES FORMATION IN ANTIQUITY

Yuliya Aleksandrovna Griber, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Smolensk State University
Julia_Griber@mail.ru

The author analyzes the social-cultural foundations of urban spaces polychromy formation in antiquity, considers the influence of social differentiation and the status portrait of ancient cities on the principles of their colour environment organization, analyzes the role of religion in defining the content of colour images, reveals the characteristic elements of colour spaces, and describes their role in the formation of unified urban texture and the maintenance of social relations and dependencies.

Key words and phrases: culture; city; colour space; antiquity; colouristic.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена вопросам становления и развития женского движения в Ростовской области на современном этапе. Основное внимание автор акцентирует на классификации форм общественно-политической самоорганизации женщин на основе изучения характера отношений женских организаций с политическими партиями, а также исследования задач, форм и видов деятельности представителей женского движения. Автор, опираясь на широкий круг архивных источников и интервью с лидерами женских общественных организаций, раскрывает общие и специфические характеристики женского движения как элемента самоорганизации общества.

Ключевые слова и фразы: женское движение; самоорганизация общества; женские общественные организации; женские клубы по интересам; формы общественно-политической самоорганизации женщин.

Олеся Александровна Дианова

Кафедра исторических наук и политологии

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

o.dianova@mail.ru

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА©

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.», Государственный контракт № 16.740.11.0700 по теме: «Государственная политика и эволюция форм самоорганизации населения Юга России: исторические реалии и современность».

В конце 80-х гг. трансформационные процессы, проходившие в России, поставили различные слои населения в новые условия. Формальное, пассивное, обязательное участие в общественно-политической работе сменилось неподдельным массовым энтузиазмом, что стало поводом для появления разнообразных форм самоорганизации населения. При этом, если рассматривать возникающие общественные движения, то они были инициированы «снизу», то есть рядовыми гражданами страны, став первыми ячейками формирующегося гражданского общества. Однако радикальный характер реформирования России в этот период не мог негативно не отразиться на слабо защищенных социальных группах, а в условиях отсутствия государственной поддержки, банкротства и закрытия предприятий наиболее экономически уязвимыми оказались женщины. Поэтому среди огромного числа подобных структур гражданского общества появилось и женское движение.